Александр
СПИРИДОВИЧ

◆

ЗАПИСКИ ЖАНДАРМА

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)6-8 Спиридович
С 72

Оформление обложки Ильи Кучмы

Текст печатается по изданию:
Спиридович А. И. Записки жандарма.
[Харьков] : Пролетарий, [1926].

Спиридович А.
С 72 Записки жандарма / Александр Спиридович. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 288 с.
ISBN 978-5-389-32793-1

Александр Иванович Спиридович (1873–1952) — один из наиболее известных жандармских деятелей предреволюционной России. Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, начальник императорской дворцовой охраны, автор книг о русском революционном движении, Спиридович сыграл значительную роль в развитии отечественной истории и впоследствии послужил прототипом персонажей ретродетективов. Его интереснейшие воспоминания охватывают большой временной период — от поступления в кадетский корпус до событий 1905 года — и дают возможность узнать подробности о работе царской охранки, о ее тайной агентуре и борьбе с подпольными террористическими организациями. В этом историческом повествовании предстают многие участники общественно-политической жизни конца XIX — начала XX столетия, как сторонники действовавшей власти, так и революционеры. Ревностно исполнявший свой долг, Спиридович тем не менее сумел воссоздать в мемуарах, написанных вскоре после эмиграции из России, объективную картину надвигавшейся гибели империи.

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)6-8 Спиридович

ISBN 978-5-389-32793-1

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

I

В Нижнем Новгороде, высоко над Волгой, почти в центре старого Кремля с его древними кирпичными, покрытыми мхом стенами и башнями, раскинулось покоем буро-красное здание Аракчеевского кадетского корпуса. Фасад корпуса выходит на Кремлевскую площадь, с кафедральным собором, корпусною церковью и казенными зданиями; одно крыло смотрит на свой садик-плац, другое же глядит с высоты Кремля на убегающую вдаль Волгу, на расстилающуюся за ней безбрежную даль лесов и лугов, на раскинувшиеся у слияния ее с Окой село Кунавино и ярмарку. Перед окнами корпуса — Мининский сквер с памятником-обелиском гражданину Минину. У главного входа — четыре медные на зеленых деревянных лафетах пушки эпохи Александра I с громадными

гербами графа Аракчеева, с его девизом: «Без лести предан».

Корпус наш был основан на средства, завещанные графом, и находился сперва в Новгороде, откуда и перемещен в Нижний Новгород...

С трепетом я перешагнул его порог осенью 1884 года, явившись в корпус как выдержавший вступительный экзамен.

* * *

Ближе всего к кадетам стояли воспитатели. Они были для кадет наставниками, руководителями и заменяли им как могли близких родных. В то время педагогических курсов для воспитателей еще не было. Воспитателями являлись простые из строя офицеры, большею частью сами прошедшие кадетский корпус.

Были недалекие воспитатели, но они как-то быстро испарялись. Один штабс-капитан сапер, назначенный к нам в отделение, додумался читать нам вслух «Бурсу» Помяловского. Мы веселились от души, слушая чтение, но после ухода воспитателя проделывали в классе на практике все, что проделывали бурсаки и до чего сами мы не доходили. Мы репетировали «лимоны» маленькие и большие, делали «смази всеобщие», «вешали соль», проделывали и мно-

гое другое. Но этот воспитатель, хотя и с ученым кантом, являлся печальным исключением и вскоре оставил корпус. Время его воспитательства осталось у нас в памяти каким-то сумбурным. Его подлаживания к нам, скабрезные рассказы с целью понравиться достигали обратных результатов. Мы не любили его, мы понимали, что он делает многое, чего не должен был делать…

Научное образование в корпусе было поставлено основательно. Преподаватели относились к делу добросовестно, учили хорошо, проверяли знания строго, и в результате кадеты приобретали действительные познания в пределах программы. Слабее других предметов были поставлены языки. Говорить на иностранных языках не выучивались, кто же поступал в корпус, владея этими языками, тот уходил из корпуса, разучившись говорить на них.

Был между нашими преподавателями один небезынтересный тип, немного «красный», как говорили тогда, которого мы звали «Иван Петров». Тучный, здоровый, с полным бритым лицом, медленной походкой и громким голосом, он преподавал физику и космографию.

Он любил острить с кадетами над начальствующим персоналом, рассказывал на уроках, что происходило на педагогических комитетах, кто из воспитателей подавал голос против

кадет, кто за и т. д. Разговаривая с классом, он часто не слушал, какую чушь нес отвечавший у классной доски кадет, и обращал на него внимание только тогда, когда тот, добравшись до конца, выкрикивал: «Что и требовалось доказать» — и ударял крепко мелом по доске. Иван Петров тогда оглядывался, смотрел в упор на отвечавшего и медленно произносил: «Ступай, садись» — и ставил хороший балл, причем, ставя, говорил как бы про себя «болваны».

В один из подобных ответов, когда Иван Петров был особенно в ударе и, разговаривая и смеясь с кадетами, уже совершенно не слушал, что отвечал вызванный, последний так громко выкрикнул заключительную фразу и так сильно хлопнул мелом, что Иван Петров вздрогнул.

Молча повернулся он к кадету, долго и пристально смотрел на него среди всеобщей тишины и наконец отчеканил: «Ослу, скотине превеликой, от Бога дан был голос дикий. Ступай, садись, болван, одиннадцать баллов».

Фурор был полный.

Иван Петров ввел у нас «пятки». Так назвал он последние пять минут урока, объяснив, что у японцев есть обычай сидеть некоторое время на пятках, ничего не делая. И вот он устанавливает такие же пять минут ничегонеделания, или «пятки», в течение которых он будет говорить о чем угодно, но только не об уроке.

«Пятки» выполнялись свято и были спасительны, когда был спрос, урок же был трудный, Иван Петров не в духе и резал одного за другим, ставя единицы. Мы с нетерпением смотрели на часы, и, когда приближались последние пять минут, со всех сторон раздавалось: «пятки», «пятки». Иван Петров обводил класс злым взглядом и говорил: «Негодяишки, дождались-таки пяток». Спрос прекращался. Иван Петров усаживался поверх чьей-нибудь парты и начинал разговоры.

Многое из тех разговоров было понято нами только позже; многого он не должен был говорить, но в общем мы его любили. Начальство внимательно относилось к урокам этого учителя и нередко во время их в окошке классной двери появлялась фигура директора.

Уже после нашего выпуска Иван Петров перешел в Петербург и сделался директором Горного института и во время первой революции вел себя как-то неважно, двусмысленно. Его фамилия — Долбня.

Незадолго до нашего выпуска ввели новый предмет — законоведение.

Физическое воспитание занимало видное место в корпусе. Гимнастикой начинался и кончался день. Каждая рота в строю проделывала гимнастические упражнения в течение получаса, и, кроме того, были отдельные уроки гим-

настики поро́тно с палками. Всюду в ротах имелись гимнастические машины, и на переменах между уроками каждый старался пройти через какую-либо машину, особенно взобраться на мускулах по наклонной лестнице.

Венцом физического воспитания являлось строевое учение, производившееся по всем правилам военных уставов.

Кадет учили танцевать, но настоящая выучка всяких мазурок, венгерок и венских вальсов происходила не при учителе танцев, а в классах, за классными досками… Для кадет устраивались и балы, которых очень ждало всегда дамское общество и особенно местные институтки.

К женщине внушалось рыцарски-военное отношение. В отпуске на каникулах начинались невинные ухаживания, переходившие у некоторых в серьезные чувства и кончавшиеся впоследствии браками. Погоны, форма, уменье хорошо танцевать помогали кадетам у барышень…

Область половой сферы оставалась вне внимания нашего начальства; кадет считали детьми до восемнадцатилетнего возраста и, как во многих семьях, о взрослых юношах думали, что они «ничего еще не знают и ничего не понимают». Между тем уже с четвертого класса многие кадеты познавали женщину. Одни бегали в отпускные дни на свидание к разным

швеечкам и модисткам, других прибирали к рукам опытные дамы общества, а некоторые бывали даже и в публичных домах.

На одной из глухих улиц Нижнего Новгорода приютилось в те годы некоторое учреждение — «Конкордия». Кто-то из кадет узнал его первым; свел одного, другого товарища, и вскоре опытная хозяйка сумела сделать свое учреждение крайне популярным и соблазнительным для кадет. Барышни были молодые, веселые, брали пустяки, играл рояль, давали пиво. А главное — таинственность запрета, опасность предприятия и молодечество. «Он был в Конкордии» — звучало серьезно.

Летом же, во время ярмарки, некоторые храбрецы, переодевшись в отпуске в штатское платье, пробирались с городскими товарищами в самые сомнительные ярмарочные вертепы.

II

Параллельно с официальным воспитанием шло саморазвитие кадет в их внутренней кадетской жизни. Каждый класс жил своей жизнью, своими интересами. Товарищество сплачивало класс. Можно было быть умным или глупым, прилежным или лентяем, храбрым или трусоватым, но нельзя было быть плохим товарищем. Решение класса являлось обязательным для каждого кадета. Решено не отвечать какого-либо предмета — и кого бы ни вызвал учитель, хотя бы первого ученика, все отказывались отвечать…

В самых младших классах новички пытались, бывало, прибегать под защиту начальства, ходили жаловаться на щипки, побои, но их быстро отучали от этого. Несколько потасовок, неразговаривание класса в течение некоторого времени, и мальчик становился, как и все. Если

случалось, что кто-либо обижал зря менее сильного, класс вступался и кто-нибудь усмирял обидчика. Бывало иногда, что новички таскали потихоньку чужие вещи. Тогда воришку разыскивали и, набросивши ему на голову шинель, били его всем классом, что называлось «через шинель», и воровство не повторялось…

Наказание тяжкое, беспощадное, но таковы были взгляды кадет на товарищество…

Повиновение старшим кадетам было беспрекословное. Старшие этим не злоупотребляли, но тяжелая рука семиклассника частенько опускалась на младших по разным поводам.

Однажды наш пятый класс второй роты потребовал у эконома прибавки кулебяки за завтраком и получил ее, чем отнял эту прибавку у седьмого класса. На следующее же утро седьмой класс вызвал десять человек нашего класса на разбор. Шел допрос.

— Ты прибавки требовал?

— Требовал.

— Кулебяку ел?

— Ел.

— Получай… — Следовали удары. Избили всех десятерых, и больше мы уже никогда не посягали на права и привилегии седьмого класса.

Начальство знало об этих наших обычаях, но не вмешивалось в них. Они регулировали нашу общественную жизнь, служили хорошей

цели, хотя иногда бывали и грубы. Вмешательство не приводило к хорошим результатам, скорее наоборот, вредило кадетской жизни.

Кадеты щеголяли формой, гордились ею, особенно разъезжаясь на каникулы. Погоны были нашей гордостью. Лишиться погон считалось позором.

Высшим наказанием в корпусе считалось именно «лишение погон» — наказание, налагавшееся в исключительно редких случаях.

В отпуске многие играли в оловянные солдатики…

Играли в шашки и шахматы, выпиливали, рисовали, клеили картонажи.

Рассказывание анекдотов, особенно исторических, было любимейшим препровождением времени. Тогда же говорилось без конца о разных полках и их подвигах; спорили, какой полк лучше, какой старее.

В корпусе почти все были дети простых армейских офицеров. Гвардия рисовалась для нас особенно красивой, почетной и в ореоле славы. Мы знали, что многими гвардейскими частями командовали высочайшие особы. О них говорили мы с особым любопытством и серьезностью; это была семья государя, а выше его для нас ничего не было. К нему в Петербург летели наши мечты…

Хождение в отпуск являлось приятным развлечением.

Благодаря отпускам в нашу однородную военную семью врывалась иногда струя, чуждая общему настроению. То были попытки некоторых просветителей подойти к кадетам и вовлечь их в кружковщину.

В отпуску кадеты встречались с разными людьми и с «красной» молодежью. И хотя в глазах студентов и вообще невоенного общества кадет считали способными только к шагистике, танцам и ухаживаниям, тем не менее с нами все-таки общались и невоенные люди.

Будучи в пятом классе, один из наших одноклассников, которого я назову Х., подружился в отпуску с несколькими молодыми людьми без определенных занятий. Они собирались летом в какой-то полуразрушенной бане и читали там запрещенные книжки. Х. рассказывал об этом нам иногда по секрету, но выходило как-то неясно, что они там делают и для чего. Мы стали замечать некоторую перемену в нашем товарище… Стали предостерегать его от его городских товарищей и стали уговаривать бросить их. Х. был вовлечен в какой-то кружок, но, как юноша вдумчивый и сильного характера, не дал сбить себя с толку; перейдя же в военное училище, он совсем оставил конспирацию,

хорошо учился, вышел в гвардию и сделался хорошим офицером…

Умный, интересный, сильный и хороший музыкант А. пользовался большим успехом у женщин, и его приглашали в городе нарасхват. Вскоре познакомился он с одной польской семьей, где была дочь — петербургская курсистка-фельдшерица и сын-студент. Семья считалась передовой. Началось ухаживание и параллельно занятия по самообразованию — совместные чтения сперва легальных, а затем и запрещенных книг. Ученье у А. пошло скверно, с товарищами он стал разговаривать немного свысока и как будто снисходительно. С особой таинственностью и важностью говорил он о Герцене и Лаврове, имена которых не представляли для нас в то время никакого интереса, и как-то раз стал восхищаться Марком Волоховым из гончаровского «Обрыва».

Этот роман мы все знали хорошо, Волохова мы считали просто мерзавцем и подлецом за то, что он обесчестил девушку, и мы сцепились с А. в жарком споре. С того момента и сам А., и его городская компания низко упали в наших глазах. А. замкнулся от нас… Он принимал участие в событиях 1905 года, затем сделался нелегальным, бежал, болтался эмигрантом по Швейцарии и, наконец, пропал с житейского

горизонта. Пример одного из тех несчастных, сбитых с пути революционерами военных, которые изменяли честным военным заветам, перекрашивались в революционеров всяких партий, а затем... изменяли и им.

Кадеты очень любили праздники. С большой торжественностью праздновались дни именин и рождения государя императора и другие царские дни, весело проходило Рождество.

Особенно торжественно встречалась в корпусе Святая Пасха.

Но самым большим днем жизни корпуса являлся корпусный праздник, справлявшийся 18 марта.

Наступил 1890/91 учебный год. Мы в старшем выпускном классе. Появились новые обязанности: дежурства по роте, по кухне, прислуживание священнику во время богослужения, чтение за обедней псалтыря.

Отношение к нам начальства стало более серьезное, со стороны младших кадет — почтительное. За хорошее поведение и учение назначали вице-фельдфебелем и производили в унтер-офицеры.

В числе других получил золотой галун на погоны и я; меня произвели в вице-унтер-офицеры.

В свободное время все чаще и чаще беседовали мы, кто в какое училище выйдет.

Десять человек, в том числе и я, записались в Павловское училище. Мы стали старательней заниматься фронтом и гимнастикой.

Прошли выпускные экзамены, и прошли благополучно, все окончили корпус хорошо. По традиции окончание корпуса надо было ознаменовать попойкой…

III

Павловское военное училище помещалось в Петербурге в огромном здании на Большой Спасской улице на Петербургской стороне.

Курс училища был двухгодичный.

Атмосфера серьезности, деловитости, военщины, в лучшем смысле слова, охватывала входившего в училище. Там все было построено на мысли: выработать в течение двух лет из бывшего кадета образованного хорошего пехотного офицера. Отсюда вытекал и весь режим училища с его системой обучения и воспитания.

С первого же дня бывших кадет выстраивали на плацу и начинали беспощадно гонять маршировкой под оркестр музыки неимоверно большим и скорым шагом. Мы изнемогали от непривычки, особенно малые ростом, но на это не обращали внимания. Тогда же учили отда-

нию чести. То была первая муштровка, посредством которой новым юнкерам сразу придавали военную выправку и молодцеватый вид, что не трудно было сделать с кадетами и без чего училище не выпускало в город своих юнкеров.

Нас разбили на роты, причем я и еще два аракчеевца попали в первую роту, которая называлась ротой Его Величества.

Через несколько дней нас привели к присяге. На плацу построилось училище с хором музыки…

В тот же день мы получили первое предупреждение относительно революционеров. Каждому из нас выдали памятную книжку павловца, в которой был помещен старый приказ по военно-учебным заведениям, касающийся революционной пропаганды среди военных.

В 1880-х годах тогдашним социалистам-революционерам удалось проникнуть в военную среду и сорганизовать в Петербурге несколько военных кружков, куда были вовлечены и несколько юнкеров Павловского училища. Дознание раскрыло всю организацию. Государь милостиво отнесся к юнкерам, и наказания, которые они заслужили, были значительно смягчены. К этому печальному для военных эпизоду и относился приказ, предостерегавший юнкеров от революционеров. Мы очень заинтересовались

им и не раз беседовали затем о революционерах и их подходах к военным.

Для многих юнкеров это предостережение сослужило хорошую службу в столице, где неопытная молодежь часто наталкивалась на разного рода просветителей и пропагандистов, для которых военная среда была всегда очень заманчива.

Военное обучение и образование были поставлены в училище образцово…

В результате мы увлекались военным делом со всем пылом молодости.

Мы старались довести строй, ружейные приемы и гимнастику до щегольства. Многие перед сном проделывали ружейные приемы и гимнастические упражнения перед громадными зеркалами, и это считалось вполне нормальным. Знание воинских уставов назубок считалось шиком и доходило даже до ненужных подробностей. Так, например, некоторые знали, какой вес по закону должна иметь офицерская перчатка или офицерский нейзильберовый свисток.

Быть по одежде, по выправке и строю лучше других училищ, быть по стрельбе «выше отличного», ходить быстрей стрелков считалось идеалом.

Параллельно шло ознакомление со всеми новыми военными течениями по литературе;

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СПИРИДОВИЧ

ЗАПИСКИ ЖАНДАРМА

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ольга Попова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.05.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 15,12. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-CPI-42109-01-R